

Цирулев Александр Федорович

О СВОЕОБРАЗИИ "ИСТОРИЧЕСКОГО" АВТОБИОГРАФИЗМА А. И. ГЕРЦЕНА И ПРИНЦИПАХ ТОЛСТОВСКОГО АВТОБИОГРАФИЗМА

Предмет статьи - характер и функционирование творческих принципов автобиографизма, использованных А. И. Герценом в "Былом и думах" и Л. Н. Толстым в его трилогии. Привлечение огромного эмпирического материала, а также историко-публицистических отступлений не девальвируют жанровой сути "Былого и дум". В результате сравнительного анализа художественных систем двух жизнеописаний делается заключение о том, что Л. Толстой развивает формы литературного автобиографизма. А. И. Герцен, не выходя из рамок жанра художественной автобиографии, существенно модифицирует структуру личного автоповествования, создавая некую двухплановую форму, которую можно назвать как "исторический автобиографизм". Благодаря этому новшеству создатель "Былого и дум" обретает возможность осуществления "рассказа о себе" одновременно и в сфере художественного повествования, и в сфере публицистического (идеологического) самовыражения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. С. 192-194. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

Предмет статьи – характер и функционирование творческих принципов автобиографизма, использованных А. И. Герценом в «Былом и думах» и Л. Н. Толстым в его трилогии. Привлечение огромного эмпирического материала, а также историко-публицистических отступлений не девальвируют жанровой сути «Былого и дум». В результате сравнительного анализа художественных систем двух жизнеописаний делается заключение о том, что Л. Толстой развивает формы литературного автобиографизма. А. И. Герцен, не выходя из рамок жанра художественной автобиографии, существенно модифицирует структуру личностного автоповествования, создавая некую двуплановую форму, которую можно назвать как «исторический автобиографизм». Благодаря этому новшеству создатель «Былого и дум» обретает возможность осуществления «рассказа о себе» одновременно и в сфере художественного повествования, и в сфере публицистического (идеологического) самовыражения.

Ключевые слова и фразы: исторический автобиографизм; публицистика; двуплановая структура; интеллектуализм; модификация.

Цирулев Александр Федорович, к. филол. н.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

tzirulev.al@yandex.ru

О СВОЕОБРАЗИИ «ИСТОРИЧЕСКОГО» АВТОБИОГРАФИЗМА А. И. ГЕРЦЕНА И ПРИНЦИПАХ ТОЛСТОВСКОГО АВТОБИОГРАФИЗМА

В середине XIX века русская автобиографическая словесность вступает в новую фазу своего развития. К формам художественного самопознания обращаются выдающиеся мастера слова. Среди них особое место занимают А. И. Герцен и Л. Н. Толстой. Оба они не только дают яркие образцы , исповедальной прозы, но и демонстрируют новые принципы эстетического освоения мира.

Эта статья нацелена на выявление типологической общности толстовского и герценовского жизнеописаний, а также на обнаружение оригинального вклада творца , Былого и дум в разработку мемуарного жанра. Автор исследования ставит своей задачей выразить суть , исторической самообъективации Герцена и при этом показать принципиальное отличие его , исповедального метода от толстовского.

Эстетическая смелость Герцена в , Былом и думах поразительна. Он строит свой , рассказ о себе и как исповедь, и как проповедь, и как историческую хронику, и как романную структуру нового типа, и как , пламенное обращение к русскому читателю, и как философский трактат, и как историческое эссе, и как правдивую летопись эпохи. Поневоле вспоминаются слова В. Ф. Ходасевича о том, что , ... автобиография есть единственная форма , свободного романа... которая свидетельствует о совершенном и чистейшем искусстве [5, с. 202]. , Исповедь Герцена опрокидывает все и вся, нарушает все каноны, о чем, как мы знаем, указывал еще сам Л. Толстой [3, с. 305].

Несмотря на это, вопрос о жанрово-стилевой определенности всякой , исповедий отнюдь не празден, ибо речь в этом случае идет о принципах моделирования действительности. , Былое и думы также не исключение, поскольку и здесь мы имеем дело с определенного рода конструкцией. И надо отметить, что при всей своей , предметной пестротой, цикл Герцена имеет внутри себя нечто скрепляющее, центростремительное, что обеспечивает ему , поэтическую твердость. Каким бы разнообразным и разностилевым ни казался материал, собранный Герценом в своей книге, в ней имеется то, что Б. В. Томашевский обозначил как тяготение к образцам. В , Исповедий Герцена наличествует целостное ядро, просматривается жесткая структура, которая упорядочивает собой всю художественную ткань. Что бы мы ни говорили о сильном мемуарном начале , Былого... , какой бы мощной ни была в нем публицистическая струя, эстетический центр произведения образуют все-таки не эти начала, а герценовский , рассказ о себе. Сочинитель , Былого и дум объективирует свой личный опыт, строит свои воспоминания с единой, всепроникающей установкой – реализовать собственное художественное , я. И этот подход, (хоть и автобиографический в своей сути), значительно отличается от толстовского. Два художника по-разному смотрят на мир и по-разному интерпретируют себя в нем. Типологическая разность двух жизнеописаний основывается на разности поэтических установок и избираемых форм для их воплощения. Эта разница высвечивается, прежде всего, в том, как два художника оперируют в своих воспоминаниях понятиями , факт и , вымысел.

Если Толстой, широко используя вымысел, творческую фантазию, все же разрабатывает *единую* жанровую структуру, ибо пишет , литературную автобиографию, то Герцен апеллирует к некой «*двуплановой*», если можно так выразиться, модели, ибо , исповедь» (, былое») у него сплошь и рядом соседствует и взаимодействует с , идеологическим началом (, думами). Писатель ведет художественное самоисследование, но делает это с помощью , *двойной формы*, поскольку , рассказ о себе он постоянно дополняет, насыщает , идеологией, публицистикой, когда дает широкие исторические отступления, экскурсы и делится с читателями своими непосредственными соображениями, политическими реминисценциями, идеями по поводу тех или иных воспоминаний. Однако при этом , вторая форма или второе начало тоже служит генеральной установке – художественному

самораскрытию автора. Выходит, что Толстой-автобиограф в большей степени, традиционалист, нежели Герцен. Первый конструирует вымышленную картину бытия, но при этом развивает уже существующие литературные каноны. Второй же осмысляет свою прошлую жизнь и как историк, и как поэт одновременно.

Уникальность герценовского подхода состоит не только в том, что он отказывается от принципа традиционного, литературного письма, но и в том, что в качестве среды для своего героя он избирает не камерную данность, а весь русский мир и его историю. С самых первых эпизодов Герцен сопрягает бытие Искандера с картинами русской и западноевропейской действительности. Руссо, Гете, Карамзин, Толстой, как мы помним, воссоздавали первые шаги своих автогероев в рамках узкого, закрытого семейного мирка, ограниченного размерами дома или усадьбы, в окружении нескольких родных лиц. Создателю Былого... это недостаточно. Он с самого начала в ткань своих воспоминаний вводит образ Истории, которая влияет на формирование личности мальчика.

Специфика художественного самопознания Герцена изначально предопределяется некой двуединой задачей. Автобиографическое повествование для него и самопознание, и познание Истории одновременно. Свою личную судьбу писатель увязывает с осмыслением времени, эпохи. Такой автобиографизм можно поименовать историческим. Сущность его заключается в том, что Герцен – как автобиограф – осознает себя не только биологическим существом, не только моральным субъектом, (что было первоопределяющим для автора «Детства»), но и деятельным лицом русской истории. Для Герцена его личная судьба имеет значение лишь при условии, что она превращается в фактор влияния на ход общественного развития, на судьбу своего народа. Через свою биографию писатель стремится постичь главные тенденции развития русского общества. Герцен-художник, как указывает Л. Я. Гинзбург, воспринимает себя как человека, которого пересекла история, которого случайной встретила она на своем пути, но совсем не случайной включила в свою орбиту.

Несмотря на эту весьма специфическую установку Герцена-художника, в самой масштабности его подхода к действительности просматривается момент, явно сближающий Былое... с трилогией Л. Толстого. И Герцена, и Толстого объединяет, если можно так выразиться, широта теоретического осмысления проблемы личности. И тот, и другой пытаются через свой частный опыт уловить и выразить некие неизблемые законы человеческого существования. Л. Н. Толстой (через акт самопознания) уясняет природу добра и зла, формулирует степень ответственности человека за свою судьбу. Его литературный собрат (через рассмотрение фактов собственного прошлого) стремится познать природу общества и свое место в нем. Его личная биография важна для понимания биографии рода человеческого [2, с. 41].

Наряду с этим, в решении широких идейных задач два художника используют разный поэтический инструментарий. Л. Н. Толстой, совмещая принципы «мелочности» и «генерализации», осваивает сферы диалектики души. Он входит в существо оттенков моральных переживаний своего героя, выявляет механизмы зарождения и развития отдельных мыслей, чувствований, разлагает их на отдельные составляющие и т.д. Герцен-автобиограф исповедует своего рода антипсихологизм и проявляет поэтическое равнодушие к тому, что именуются скрытые пружины человеческой деятельности. Автор Былого... проходит мимо сложных переплетений чувств. Зато с особым пристрастием писатель-революционер интонирует моменты, связанные с зарождением первых мыслей своего героя: «...одна тема волнует Герцена-писателя с самого начала: пробуждение в ребенке сознания, мысли [Там же, с. 47]. В детстве Герцена, – констатирует В. П. Туниманов, – мало света, теплоты, интенсивной жизни, чувств... всего того, что с такой поэтической силой запечатлено в «Детстве»» [4, с. 148].

В самом деле, толстовской поэтизации чувств и незамутненности детского сознания Герцен противопоставляет поэтизацию юности и в известной мере преклонение перед Мыслью. Юность для творца Былого и дум прежде всего – эпоха интеллектуального созревания. То есть в понятие юности Герцен вкладывает преимущественно идеологическое содержание. Это время, когда мировоззрение героя кристаллизуется в своих глубинах и обретает четкие теоретические очертания. Мы должны признать, что идейно-философскую концепцию Былого и дум отличает и дух просветительства, и дух революции, и дух интеллектуализма в самом глубоком понимании этого слова. Интеллектуализм герценовской исповеди находит прямое выражение в особой конструкции этого произведения. Имея в виду это качество, Л. Я. Гинзбург, справедливо подчеркивает: «... непосредственное, прямое авторское суждение о жизни – неотъемлемое свойство его творческого сознания» [1, с. 217]. Мысль и теоретические рассуждения автора в Былом... что следует отметить особо, приобретают не атрибутивное, а типологическое значение, ибо для Герцена это уже элемент художественной структуры.

Итогом работы могут служить следующие выводы. Былое и думы» и трилогия Л. Толстого объединены общей жанровой характеристикой. Оба эти сочинения автобиографичны, поскольку в основе каждого из них лежит установка на художественную самообъективацию. При всей стиливой эклектичности А. И. Герцен не творит новую романную структуру, которую можно обозначить как свободный роман (В. Ходасевич). Как художник и как нарратор он остается в пределах рассказа о себе». Наряду с этим Герцен весьма существенно модифицирует структуру жанра, когда прибегает к некой двуплановой форме, которую можно поименовать как исторический автобиографизм. Благодаря этому оригинальному построению Герцен-повествователь свой рассказ о себе осуществляет одновременно в двух поэтических сферах – в сфере художественно-повествовательной и в сфере публицистической, обеспечивающих писателю прямые идеологические формы самовыражения.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Худ. лит. (Ленингр. отделение), 1977. 443 с.
2. Елизаветина Г. Г. Былое и думы А. И. Герцена. М.: Худ. лит., 1984. 159 с.
3. Интервью и беседы с Львом Толстым / сост., вступ. статья и комм. В. Я. Лакшина. М.: Современник, 1986. 525 с.
4. Туниманов В. П. Былое и думы и русская автобиографическая проза // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 145-170.
5. Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Книга, 1988. 327 с.

**ON THE PECULIARITY OF THE “HISTORICAL” AUTOBIOGRAPHISM
OF A. I. HERZEN AND THE PRINCIPLES OF L. N. TOLSTOY'S AUTOBIOGRAPHISM**

Tsirulev Aleksandr Fedorovich, Ph. D. in Philology
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
tsirulev.al@yandex.ru

The article deals with the nature and functioning of the creative principles of autobiographism used by A. I. Herzen in “My Past and Thoughts” and by L. N. Tolstoy in his trilogy. The use of huge empirical material as well as historical and publicistic digressions does not devalue the genre essence of “My Past and Thoughts”. As a result of the comparative analysis of two biographies the author concludes that L. N. Tolstoy develops the forms of literary autobiographism. A. I. Herzen, without exceeding the limits of the genre of literary autobiography modifies significantly the structure of personal auto-narration, creating a kind of two-pronged form which can be called as a “historical autobiographism”. Thanks to this innovation the author of “My Past and Thoughts” finds the opportunity to implement a “story about himself” in the field of artistic narration and in the sphere of publicistic (ideological) self-expression at the same time.

Key words and phrases: historical autobiographism; social and political journalism; two-pronged structure; intellectualism; modification.

УДК 83:39 81'242

Филологические науки

Статья посвящена проблеме объективации концепта «женщина» и репрезентации его компонентов в пословицах и поговорках кабардино-черкесского языка. В работе выявляются причины релевантности пословиц и поговорок кабардино-черкесского языка, так как паремииологические единицы являются основными носителями информации того или иного народа.

Ключевые слова и фразы: концепт; этнолингвокультура; лингвокартина; женщина; паремии; кабардино-черкесский язык; этикет.

Черкесова Зарета Валериевна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
zara7belle@mail.ru

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ПОСЛОВИЦАХ
И ПОГОВОРКАХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА[©]**

Пословицы и поговорки являются языковым средством выражения национальной лингвокартины мира. В них содержится история, культура, образ жизни и мышления того или иного народа. При исследовании кабардино-черкесских пословиц и поговорок с точки зрения содержания в них прошлого опыта народа выявляется, что традиционность заключена уже в самом определении «псалъэжъхэр» – букв. «старые слова», то есть старинные изречения, народные мудрости.

В кабардино-черкесском языковом сознании одним из важных составляющих концепта , женщинаĭ является понятие , матьĭ , , мама». Как показал опрос лиц женского и мужского пола от 18 до 65 лет, разных возрастных категорий и социального статуса, понятия , женщинаĭ и , женственностьĭ, прежде всего, ассоциируются с материнством и домашним очагом. Это связано с тем, что издавна формирование психологии адыгской женщины и ее воспитание с детства были ориентированы на замужество, семью и детей. В этноязыковом сознании кабардинцев семантическое поле понятия , матьĭ включает такие признаки, как , мягкостьĭ , , нежность», , забота», , добротатĭ , воспитаниеĭ , , пример для дочерĭ и др. Перечисленные признаки, характеризующие понятие , матьĭ , а в более глубоком смысле – составляющие семантическое поле концепта , женщинаĭ, актуализированы в пословицах и поговорках кабардино-черкесского языка. Например:

❖ *Анэр нэм хуэдэщи, адэр дэм хуэдэщ* [1, с. 75]. / Мать подобна глазам [ценна как зрение], отец [тверд] словно орех.

❖ *Анэм и хабээр пхъум и бзылхъэщ* [Там же, с. 30]. / Образ жизни матери передается дочери.

Понятие , матьĭ является одной из центральных лексем в лексическом ряду, состоящем из слов, именуемых женщиной: *фыз – цыхубз – бзылхугъэ (женщина) – хъыджэбз – пцацэ (девушка) – анэ (мать) – пхъу (дочь) – гуацэ (свекровь) – нысэ (невестка, сноха) – пцылхъу (золовка)* и др. Лексеммы в приведенном ряду объединены общим инвариантным значением , лицо женского полаĭ, а некоторые из них – лексической областью родства. Среди перечисленных лексем *цыхубз* и *бзылхугъэ* выделяются в качестве родового именования женщины. Семантическими компонентами денотативного значения слова *цыхубз* являются *цыху + бзы*, т.е. человек + особь женского пола, женский пол = человек женского пола. Лексема *бзылхугъэ* состоит